

ПОЧЕМУ НАШИ ДЕТИ НЕ ХОТЯТ УЧИТЬСЯ?

Надежда Николаевна Перетягина,
учитель русского языка и литературы
московской средней школы № 796,
ведущий научный сотрудник
Института социальной педагогики РАО,
кандидат педагогических наук

- целостное образование • образование — ценность • образование — польза
- образовательная услуга • общественное сознание • запросы общества

Все последние годы только ленивый не говорит о том, что мы развалили образование, что дети не хотят учиться, утратили мотивацию. Учителя говорят об этом в полный голос: мотивация к обучению снижена массово и повсеместно. Об этом, кстати, пишут и наши зарубежные коллеги. Об этом сегодня говорит наше общество — преподаватели вузов, учёные, писатели. Эта проблема стала тревогой общественной, граничащей с национальной безопасностью страны.

Так что нам делать? Как вернуть образованию присущую ему социальную значимость?

Попытаюсь, прежде всего, нарисовать некую картину «Образование глазами общества». Намеренно буду использовать «графику»: рисовать картину только двумя красками: чёрной и белой, оставляя в стороне полтона. Моя задача — привлечь внимание к остро стоящим в образовании проблемам, проследить, как менялось само образование и действующие лица в нём. И предложить некоторые пути выхода из создавшейся ситуации.

Итак...

Образование-ценность. До некоторого времени образование в глазах общества было общественным благом, огромной ценностью. Воевали с «вещизмом», который обеспечивал человеку насыщение и перенасыщение материальными благами в ущерб духовным. Быть образованным значило иметь высокий статус в обществе. Детям говорили родители: «Учись, если не хочешь быть дворником или техничкой». В этих профессиях ничего зазорного нет, они очень нужны, но зарплата маленькая, статус в обществе низкий. Так было раньше. Теперь техничка в некоторых офисах Москвы зарабатывает 30–40 тысяч (а то и больше), что в два раза превышает заработную плату ведущего научного сотрудника института и его статус.

Всё в обществе в не столь давнее время поверялось идеями, ценностями образования. Это было неким идеалом, к которому нужно стремиться. Образование **осознавалось обществом как непреходящая ценность.** Оно воспитывало,ставляло, убеждало личность, что она — часть общества, и, следовательно,

должна ему служить. Общество, в свою очередь, не оставляло личность наедине с её затруднениями. В образовании ценности всё поверялось ценностью: ценность жизни, любви, отношений...

Это удивительный, до сих пор неразгаданный феномен: многие товары получали по карточкам, а жили хорошо, радостно: все люди — братья, можно в любую республику Советского Союза приехать, и тебя встречали, как родного. Об этом и в песне пелось: «Мой адрес: не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз!». И понятно, почему так легко жилось в трудное время: ценности помогали человеку осознать, что главное в жизни, а что — второстепенное.

В научных теориях, рассматривающих категорию «ценность», так определяется её сущность:

- ценности — средства преодоления человеком существующих противоречий;
- очень важно для человека осознать личностные и общественные ценности.

Всё это свидетельствует о непреходящем значении категории «ценность». Неслучайно В.Л. Абушенко отмечает, что ценности «можно рассматривать как механизмы смыслового удержания и укоренения человека в мире»¹.

Мы многое утратили: *активность* наших учеников снижена, *стремления* практически отсутствуют, следовательно, *преодолевать* противоречия не надо, да и во многих случаях не хочется... Необходимость действовать как-то заместил комфорт бездеятельности... Как же произошла эта утрата? Как вместе с водой мы выплеснули и ребёнка? Чтобы ответить на заданные вопросы, поразмышляем о назначении образования в нашей сегодняшней жизни.

Образование-польза. С некоторых пор в ходе социально-экономических реформ образо-

вание изменило своё назначение. По-прежнему являясь общественным благом, образование ныне предназначается для того, чтобы приносить пользу. На первый взгляд, ничего плохого в этом нет. Мы все хотим, чтобы на нашем столе была вкусная и полезная еда, чтобы нас окружали красивые вещи. Но это частности жизни. Известный философ В.И. Плотников указывает на такую функцию ценности, как *универсальное проектирование реальной жизни* людей и их устремлений в будущее с учётом родового опыта и переживаемой людьми личной судьбы². (Здесь и далее выделено мною. — Н.П.). Сопоставляя ценность и пользу, он отмечает, что с трансцендентной точки отсчёта ориентация на пользу (ближайшее будущее) «создаёт предельную устойчивость общинной формы бытия, но за счёт минимального разнообразия культуры и практически полного отсутствия личностного самосознания. Напротив, ориентация на ценность (способность проектировать отдалённое будущее) создаёт предельное многообразие культуры и достаточную свободу личностного самоопределения.

Если продолжить сопоставление, то можно отметить, что польза ориентирует личность саму на себя, акцент в пользе сосредоточен на «я»: «это **мне** полезно». Если же я говорю: «Это **мне** **полезно**», тогда в пользе я ценю её *значимость*, и тогда польза приобретает значение ценности.

Ценность открывает личность диалогу, другим, ибо акцент с «я» снимается: «это **мне** **важно**». Ценность вводит человека в мир ценностей других, в мир традиционных российских и общечеловеческих ценностей. И если ценности человека согласуются с принятыми в обществе, человек интегрирован в него, и каждое его действие — социально приемлемо и одобряемо.

¹ Абушенко В.Л. Ценность Мертона // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998.

² Плотников В.И. Ценность // Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук проф. В.Е. Кемерова. Copyright: Изд-во «Панпринт», 1998.

Итак, первое противоречие заключается между *образованием-ценностью и образованием-пользой*. И противоречие это вызвано реформами образования, проводимыми с благими целями. Отсутствие личностного самосознания, прагматизм, угрожающее снижение культуры, ненадобность (и невозможность!) личностного самоопределения. Мы, педагоги, удивляемся, когда старшеклассники вместо уважительного «здравствуйте» машут педагогу ручкой: «Привет!»; не обращаются к учителю по имени и отчеству, предпочитая безличностную форму общения: «дайте», «скажите», «посмотрите». Удивляемся и негодуем на то, что весь класс приходит неготовым к урокам, и ученики спокойны по поводу того, что все могут получить отрицательные отметки.

Можно допустить, что подобные формы ситуативны, «нетипичны» — всё это детали. Однако из русской литературы известно, что деталь играет важнейшую художественную и смысловую роль, несёт идейную нагрузку. Детали — провозвестники тенденций: именно в частностях, в деталях проявляются тенденции, начиная с них, формируются.

Таким образом, пользу от образования мы получаем, но при этом культуру, свободу личностного самоопределения утрачиваем. С образованием получаем желание растущего человека *быть как все*. Личностное самосознание утрачено...

Мы стали свидетелями того, что в стране поднялась волна жалоб детей и родителей на учителей, агрессия против них. Тот, кто работает в школе, знает, наверное, случаи подобные этому: ученик оболгал опытного, знающего учителя, весь класс ученика поддержал, и педагогу остался единственный выход — подать заявление об уходе «по собственному желанию». Из школы уходят сегодня знающие, опытные, лучшие...

Тенденции современных школьников к унификации (планшетники, смартфоны — этакая электронная стадность), снижение (или полное отсутствие) личностного самосознания и культуры, ненадобность личностного самоопределения — вот первые ответы на вопрос «почему наши дети утратили желание учиться». Отсюда вытекает следующее противоречие: *между потребностью*

в культурном многообразии, самосознании, личностном самоопределении школьников, что актуализирует сама жизнь, и невозможностью образования-пользы обеспечить эти потребности в силу своего предназначения. Противоречие усугубляется тем, что документы образовательной политики нацелены на то, чтобы реализовать эти образовательные потребности общества в такие понятия, как «самосознание», «личностное самоопределение» и многие другие, которые не могут быть реализованы и потому остаются декларацией. Образование-польза формирует обратное тому, что декларируется. Но и это ещё не всё.

Образование как услуга. Образование-польза естественным образом переводит образование из *ценности* в разряд *услуги*, и оно становится *товаром*. Что в этом плохого?

На первый взгляд, ничего. Человек вкладывает деньги в своё образование — замечательно! Зачем вкладывает? К сожалению, в данном контексте не затем, чтобы приносить пользу людям, Родине. Это ему совсем не полезно (первый вариант); это ему полезно при условии, что он получит дивиденды от вложений в пользу Родины (второй вариант). Оба этих варианта никак не согласуются с законами мироустройства и общественного бытия. Это рассогласование обостряется тем, что учащийся вкладывает деньги в своё образование, чтобы продать себя на рынке труда подороже, получить от своих вложений дивиденды. По нашему мнению, это один из многих, но очень тревожных, «звонков» о том, что человек перестаёт быть *человеком* и становится *вещью, товаром*. Товар, каковым является современное образование и каковым становится человек, может быть ценным, бесценным, дешёвым — как угодно назови, сущность товара от этого не изменится. Так мы развращаем себя.

Человек-товар. Став товаром, образование перестаёт быть смыслом жизни,

ценностью и получает цену. (Ценность и цена, как известно, не одно и то же.) Образование, лишённое ценности, перестаёт быть значимым. И это ещё один ответ на вопрос: почему наши школьники не хотят учиться? Образование для них не является *смыслопостигающим*, оно не строит, не созидает их личность. Если говорить о том, что раньше школьник примерял на себя «духовное платье» героя фильма, художественной литературы, автора, соотнося свои ценности с их ценностями, то сегодня наши дети ходят «раздетыми».

О каком личностном росте в этих условиях можно говорить? К чему он? Если он и нужен, то только в контексте пользы. А поэтому в разряд деклараций переходят такие важные, необходимые качества человека, как гражданственность, патриотизм, любовь к малой и большой Родине — ведь школьнику, ориентированному только на пользу от образования, трудно сказать, где эти качества могут пригодиться.

Образование-польза пронизывает все уровни, начиная со школы. Если можно купить образовательные услуги (а они так разнообразны — реферат, дипломная работа, кандидатская и докторская диссертации), стоит ли напрягаться? Отсюда процветание «рынка образовательных услуг», на котором расторопные торговцы «услуг» предлагают написать за нас наши «научные труды», купить любой диплом о «полученном нами» образовании.

Покупка документов об образовании и раньше имела место, но не была таким массовым явлением и не процветала на этом позорном рынке так, как сейчас. И это развращает окончательно... Негативные явления, граничащие с профессиональным преступлением, обладают способностью распространяться подобно инфекции. Школьники, видя всё происходящее, тоже научились «покупать» самые необходимые для «пользы» образовательные услуги.

Вот пример из жизни. Выпускники 2012 года после ЕГЭ сказали директору школы: «Мы же говорили Вам: не переживайте, всё сдадим!». Ещё задания по ЕГЭ не были открыты, а у ребят уже были ответы. Этим фактом директор школы поделился со знакомым коллегой, приехавшим в Москву из города в средней полосе России, и гость с интересом спросил: «Как же им удалось получить ответы?» И услышал: «Купили». Выпускники, покидая школу, ободрили директора: «Мы сдали, и следующие сдадут, не переживайте!». И директор московской школы спрашивает неискушённого коллегу: «Как старшеклассников наставлять в учении, если они поняли, что знания можно купить?»

Если и на это кто-то из читателей скажет: «А что в этом плохого?» — остаётся только развести руками.

Таким образом, повторю, что в процессе образования-товара формируется человек-товар. И это тоже ответ на вопрос: «почему школьники не хотят учиться?».

Человек-товар и субъектность образования. Поскольку у человека-товара отсутствует самосознание, он *не может быть признан субъектом* своего образования, а значит, и своей судьбы. Ибо субъект — носитель практической *деятельности и познания* и отличается присущим ему **самосознанием**. В научной литературе под «субъектностью» понимается способность человека быть *стратегом* своей деятельности, ставить и корректировать цели, *осознавать* мотивы, *самостоятельно* выстраивать действия и *оценивать* их соответствие задуманному, выстраивать планы жизни³. Всё это к человеку-товару не имеет отношения. В основе субъектности — образование-ценность, ориентированное на проектирование будущего.

³ Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. заведений / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. М.: Академия, 2001.

Из сказанного вытекает противоречие: *между необходимостью школьника быть субъектом образования и невозможностью им быть (поскольку он получает товар (услугу) и сам приобретает свойство товара)*. Учащийся — товар по определению не является субъектом образовательного процесса, и это третий ответ на вопрос «почему наши дети не хотят учиться?».

Субъект-субъектные отношения в образовательном процессе. Многократно слышу о том, что в последние 15–20 лет в массовой школе вводятся субъект-субъектные отношения. Но от провозглашения до реализации в жизни очень далеко.

Вот ситуация на занятии в Центре повышения квалификации. Тема «Целеполагание на уроке в ходе коллективной работы с учащимися». Целевая группа — 40 человек опытных, сильных учителей начальных классов. Слушателям курсов дано задание назвать субъектов образовательного процесса. В ответ почти все хором: «Ученик!». На вопрос, есть ли другие субъекты образовательного процесса, в ответ — тишина. Ещё вопрос: «Учитель является субъектом образовательного процесса?». В ответ — молчание, а затем встречный вопрос: «Какие же мы субъекты образовательного процесса, если нам всё «сверху» спускают: цели, методы, средства? Мы — его объекты». На риторический вопрос: «Может ли объект образовательного процесса воспитать субъекта?» — прозвучало дружное: «Нет!».

Субъектность учителя — отдельная тема актуального разговора, пока оставим её за рамками статьи. Остановимся лишь на очередном противоречии — *между профессиональной необходимостью педагога быть в образовательном процессе на позиции субъекта и его реальной позицией*. «Объект» не может воспитать «субъекта». А раз так, ребёнок не может планировать свою деятельность, корректировать её, ставить цели, особенно перспективные. Вот и ещё один ответ на вопрос, «почему дети не хотят учиться?».

Роль педагога в образовании-пользе. Если образование-товар, то кто, в таком случае педагог (учитель, преподаватель, воспитатель)? Какова его роль в образовательном процессе?

Во времена образования-ценности учитель в обществе именовался *служащим*, образовательных услуг он тогда не оказывал: он служил обществу, конкретным детям и их родителям. Так, учитель обычной средней школы говорил детям, завершая изучение повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...»: «Я здесь, на своём месте, перед вами стою я, учитель русского языка и литературы, Родину защищаю. Потому что на своём месте делаю своё дело. Каждому из вас предстоит занять своё место, где вы будете Родину защищать. Так каждый из нас, делая своё дело на своём месте, Родину защищает». Понятно, какое отношение было к учителю, преподавателю, воспитателю. Они были сродни богам, только ходили по земле — непрерываемый авторитет, почитание и почтение. Отношениями с учителем люди дорожили.

В социологических исследованиях педагога по-прежнему относят к *служащим*, только теперь он *не служит, а обслуживает*: находится в школе в качестве *обслуги*, простите за резкое слово. Автор статьи — сама педагог, и у меня нет желания обижать коллег. Напротив, пишу эту статью с болью сердечной за то униженное положение, в котором находимся я и мои коллеги-педагоги.

Огорчает бесконечно функция учителя в образовании-пользе, что сродни функции официанта: чего изволите? Официант должен *угодить* клиенту: если он хорошо, качественно обслужит и понравится, клиенты снова в этот ресторан (кафе, столовую, школу) придут, да ещё и друзей, близких позовут. Учитель сегодня должен угодить своим «клиентам» — ученикам, родителям. Среди официальных инструкций нам сейчас вменяются неофициальные: «Вы должны нравиться детям и их родителям». Это наставление коллективу одного из реально работающих директоров реальной школы, определяющее задачу учителя в сфере обслуживания. А нужно ли это нам — стремиться понравиться всем?

Нужно ли ученикам, родителям? Устраивает ли нас такое положение дел?

В одной из публикаций в журнале «НО» шла речь о том, что строгий, но справедливый учитель — лучший подарок ученикам. Строгий! И — подарок. Нас объективно принуждают к тому, чтобы педагог-официант спрашивал: чего изволите, руководствуясь стандартами, давал детям то, что «есть в меню», то есть в образовательной программе. Но если ресторанное меню вам не нравится, вы идёте в другой, где могут удовлетворить ваши потребности. Школьник не может менять школу с такой же лёгкостью. К тому же беда в том, что он и сам не знает, чего хочет, что может, каковы его способности (если только они с пелёнок не проявились ярчайшим образом), каковы образовательные потребности. Поскольку в современном образовательном процессе условия для самопознания, самоидентификации, самоопределения — все эти механизмы самосознания — отсутствуют. Таков ещё один ответ на вопрос: почему школьники не хотят учиться?

В образовании-пользе механизмы самосознания в школьном «меню» не предполагаются. Родитель образование ребёнку заказал, ты, сын (дочь) учись, ешь то, что тебе дают. «А не хочу, — говорит ученик, — мне не нравится!» Приходит домой и сообщает, что в той школе (в этом ресторане) накормить вкусно не могут. Родитель идёт в школу с претензиями: «Заинтересуйте детей, увлеките их, чтобы им было интересно (вкусно)». В сфере обслуживания клиент всегда прав. Отсюда — разращение детей и родителей как участников образовательного процесса. Но разращается и учитель: его миссия, по мнению лучших педагогов и их выдающихся предшественников (К.Д. Ушинского, Я.А. Коменского, А.С. Макаренко) — сеять разумное, доброе, вечное соответственно природе ребёнка — сегодня, похоже, весьма активно корректируется рыночными условиями. В сегодняшней школе учитель не защищён: не понравился кому-то — жди, что напишут Президенту, министру образования и науки, на-

чальнику Департамента образования, на сайт школы и т. д. Мало не покажется... Никто не придёт к педагогу, не успокоит. Чтобы сохранить свою честь и достоинство, учителя уходят из школы, и поверьте, не худшие учителя.

Роль родителей в образовании-пользе.

Потребитель образовательных услуг — родители школьника. Они заключают договор об оказании образовательных услуг своему чаду. Чадо пополняет школьный контингент, а заодно и финансы школы. Правда, подушевое финансирование не привело к повышению качества образования общеобразовательных учреждений. Привело оно к приоритетной цели современного образования — любой ценой сохранить контингент в школе, зарплату учителям.

Какова же в этой ситуации роль родителей?

Они перестают исполнять свои жизнью данные обязанности: контролировать, воспитывать и защищать своего ребёнка. Как и полагается в сфере обслуживания, они начинают контролировать процесс обслуживания ребёнка: контролировать действия учителей (как они «кормят»?), контролировать содержание образования (чем «кормят»? И учителя нередко слышат: «Как вы такое можете изучать? Кто вам позволил заменить одно произведение на другое? Какой интерес детей? Им экзамены сдавать...». При этом «официант» не вправе спросить родителя, почему ребёнка дома «не кормят» — домашние задания, как мы знаем, многие ребята не готовят. Мы призываем родителей к ответственности, а в этой ситуации какой с них спрос? Роль их изменилась, и с нею изменились и функции родителей в образовании...

Роль ученика в образовании-пользе.

Она очень простая: ждать, когда ему принесут вкусненькое, возмущаться, если не несут; топтать ножками, писать на школу и учителя кляузы и доносы. Можно за пять минут до урока скачать информацию из Интернета для доклада, получить «5» и быть довольным тем, что он затратил минимум интеллектуальных способностей. Не дай Бог,

если учитель даст творческое задание, на которое не найти ответ в Интернете — возмущению школьников не будет конца. Будут жалобы на перегрузку, на непосильные трудности.

Мне известен факт, когда педагог одной из московских школ предложила десятиклассникам написать такое сочинение, чтобы его можно было послать на международный конкурс. Учителю хотелось им же, детям, показать, что они способны, но бездеятельны, ленивы. Класс отказался наотрез. Учителю пришлось использовать все известные педагогике способы мотивации. Результат: из 16 учащихся 15 сочинение всё же написали. И все 15 получили почётные дипломы, 13 из них — призовые места. Учительница радовалась: победа на престижном конкурсе — это ли не мотивация на дальнейшее обучение для ребёнка? Нет, не мотивация: весь класс на радостях пришёл не готовым к уроку... А некоторые ученики негодовали: «Зачем Вы мой диплом о победе в конкурсе повесили на всеобщее обозрение? Я этого не хочу»... Честь школы, гордость за неё, труд на благо общества — эти слова утратили для ребят своё былое значение и былую значимость.

Очень хорошо, что зарплату учителям немного повысили, но только одним этим их статус не поднимешь. Коллективное бессознательное получает и воспроизводит то, что есть в сознании общества: *номинальные функции участников образовательного процесса (учителей, родителей, учеников) давно заменены реальными, сформированными в ходе экономизации образования*. Если везде в сфере обслуживания услуги населению предоставляет обслуживающий персонал учреждений, то в отношении школы, к сожалению, не может быть иначе. Особая роль в социальных процессах, по мысли философа Г.Г. Шпета, отводится языку, понимаемому как живая самоорганизующаяся система, в которой живое понятие одновременно предполагает концептуальность и конкретность и существует во *взаимосвязи с сущим*, поскольку текуче⁴. Вот так во взаимосвязи с сущим мы, работники образования, и перешли в сферу услуг и стали обслуживающим персоналом. Так

⁴ Азаренко С.А. Герменевтика // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ. 1998.

во взаимосвязи с сущим разворачивается образование, разворачивается общество, разрушается целостность образования.

Сегодня резко меняются запросы становящегося постиндустриального общества знания к образованию: не «упаковка с всесторонними знаниями» (Э. Фромм), а целостный человек, человек — деятель, человек — творец, целостный человек. И тут мы входим в глубочайшее противоречие: нужен целостный человек, осознающий свои потребности, восполняющий то, чего ему для этого недостаёт. Однако из школы выходит человек-товар. Мы — общество — не можем решать за человека, развиваться ему дальше или нет, творить или нет. Человек, с одной стороны, *перестает быть средством развития*, перестает быть функцией, винтиком. А ему предстоит стать ресурсом собственного развития и развития общества. Он говорит: «Я субъект собственной судьбы». Но способен ли *нынешний выпускник школы быть субъектом* — вот в чём вопрос? Умеет ли он ставить *личные цели* в образовательном процессе? Умеет ли он отбирать из изучаемого материала то, что ему нужно? Умеет ли выстраивать индивидуальную образовательную траекторию не в общепринятом смысле — механически, как набор «из меню» образовательной программы тех предметов, которые считает нужным для себя изучить. Изучить не школярски, а системно, целостно: с «индивидуальным ученическим целеполаганием, планированием и темпом образовательной деятельности, личностным компонентом содержания образования...», как пишет об этом член-корреспондент РАО Андрей Викторович Хуторской. Рефлексивно ли образование нашего «субъекта»? Осознаёт ли он, что у него в личном образовательном багаже есть, а чего недостаёт? Насколько то, чего недостаёт, ему необходимо по значимости?

Увы, эти вопросы (по лексике русской литературы) *типичного* современного школьника не мучают. Похоже, кроме

осознания того, что его никто не может заставить учиться, если он этого не захочет, других ресурсов у нашего «субъекта» нет...

Вот мы и ответили на вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

Подведём итоги. Что же делать, чтобы дети захотели учиться:

- **Совершенствовать образовательную политику:** вернуть образованию его статус.

Утрачивая образование как ценность, человек перестаёт быть Человеком, поскольку эта основная (после здоровья) ценность для него перестаёт быть значимой. Следствие: утрата культуры (образование перестаёт нести культуру), перестаёт быть способом жизни.

В государственной политике в области образования и в жизни как сфере её реализации — вернуть образованию его статус, изначальный смысл и содержание. Образование **не может быть сферой экономики, не может торговать «услугами»**; это не ларёк, не бутик, не рынок. Результатом образования является не товар, не шпильки и булавки — это человек. *Образование как нива просвещения всегда ассоциировалось с хлебом насущным, со светом, оно просвещало человека.*

- **Вернуть образованию человека.** Образование-товар, формирующее человека-товар, исключает принцип природосообразности образования. Оно в такой ситуации нецелостно, нерелексивно.

- **Вернуть учителю его статус.** В ходе экономизации образования учитель оскорблён и унижен. Учителю, несущему культуру и возвышающему своих учеников до освоения и воспроизводства культуры, в *экономически ориентированном образовательном процессе* места нет. В связи с этим на уровне образовательного учреждения всем коллективом целесообразно принять Кодекс корпоративной культуры и чести, в котором разработать нормы и принципы корпоративной этики, привлекая к этой деятельности

всех учителей, родителей, учеников. Кодекс корпоративной культуры и чести принимается на Совете школы и доводится до каждого участника образовательного процесса. Директору школы сегодня трудно отстаивать достоинство учителей, защищать их. Мягко, деликатно и настойчиво ему надо определять место и роль каждого участника образовательного процесса, исходя из образования-ценности, а не образования-услуги. Завуч как главный технолог школы сегодня призван реализовывать *субъектность педагога и ученика*, что обеспечивается коллективным целеполаганием, совместным проектированием, разрешением жизненно важных проблем в ходе совместной деятельности, совместно определять «точки роста» и находить способы их развития.

- **Вернуть учителям возможность заниматься их прямым делом — учить и воспитывать детей.** Учителя загружены сегодня бесконечными мониторингами, отчётами, справками. Уходит из школы прекрасный учитель, спрашиваю: почему? «Некогда заниматься детьми: бумаги завалили. Не хочу участвовать в профанации образования», — отвечает.

- **Органам управления образованием и методическим службам** сегодня стоит подумать о том, как помочь образованию обрести былую ценность и целостность. Если образование даёт человеку смысл познания как смысл жизни, её ценность, мотивирует на самосозидание, саморазвитие, самосовершенствование — *это целостное образование*. Если человек осознаёт, что ему недостаёт, и обретает новое знание — это системное и целостное образование.

Нам всем вместе предстоит осознать: если мы хотим сохранить и преумножить нашу культуру, все силы мы должны приложить к тому, чтобы начать реализовывать целостность образования, вернуть ему ценность. Иначе нам не удастся убедить детей в том, что учиться им жизненно необходимо. И — очень увлекательно... **НО**